

Научная статья

УДК 811

DOI 10.25688/2619-0656.2023.11.06

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ КВАЗИСУБЪЕКТНЫХ МОДЕЛЕЙ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Анна Михайловна Шестопалова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
shestopalovaam@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0164-4890>

Аннотация. В данной статье рассматриваются русские квазисубъектные модели типа *Смешки немедленно прекращаются* и способы их перевода на английский язык. Актуальность проблемы перевода квазисубъектных моделей обуславливается тем, что в некоторых случаях данные синтаксические конструкции не представляется возможным передать на английский язык с использованием их аналога типа *The giggling stops instantly*. Наблюдаемые несоответствия при переводе связываются с лакунарностью квазисубъектных моделей в обоих языках, которая определяется особенностями структурного оформления исследуемых синтаксических конструкций. В частности, различные способы вербализации предикативного компонента модели (русский возвратный глагол vs. английский глагол в форме активного залога) позволяют рассматривать субъект высказывания с точки зрения степени его вовлеченности в событие. Отмеченные структурные и семантические несоответствия тем самым потенциально влияют на конечную стратегию перевода. Цель исследования заключается в обзоре существующих вариантов перевода квазисубъектных моделей, отобранных из материалов параллельного корпуса НКРЯ. Анализ языковых примеров производится с учетом реализующегося в исходной конструкции типа субъекта (неопределяющий агентивный, неопределяющий неагентивный, определяющий неагентивный субъект), что позволило разделить эмпирический материал на соответствующие группы и определить основные способы перевода. В качестве результатов исследования предлагается набор переводческих стратегий, языковое оформление которых способствует последующей передаче информации о типе субъекта в языке перевода. Делается вывод, что при принятии переводческого решения релевантным оказывает тип субъекта, который реализуется в модели.

Ключевые слова: квазисубъектная модель, тип субъекта, лакунарность, стратегия перевода, перевод.

Для цитирования: Шестопалова А.М. Особенности перевода русских квазисубъектных моделей на английский язык // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: Книгодел, 2023. С. 90–105. doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.06

Original article

ENGLISH TRANSLATION STRATEGIES FOR RUSSIAN QUASI-SUBJECT CONSTRUCTIONS

Anna M. Shestopalova

Moscow City University, Moscow, Russian Federation, shestopalovaam@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0164-4890>

Abstract. The current research covers Russian quasi-subject constructions such as *Smeshki nemedlenno prekrashchayutsja* and dwells on possible English translation strategies. The paper points out that in some cases quasi-subject constructions cannot be translated with their English counterpart such as *The giggling stops instantly*, therefore respective translation strategies call for further investigation. The discrepancies in translation patterns are associated with the quasi-subject construction lacunarity seen in both Russian and English, which in turn is linked to structural arrangement features of the syntactic construction. Specifically, various predicate forms (Russian reflexive verb vs. English Active Voice verb) allow to consider the degree of subject involvement. The following structural and semantic discrepancies might eventually affect the final translation strategy. The goal is to review the existing quasi-subject construction translations collected from the Russian National Corpus's parallel database. The samples are analyzed regarding the subject type within the original construction (non-defining agentive, non-defining non-agentive and defining non-agentive subject), which allowed to group the empirical data and outline general translation patterns. The results suggest a set of translation strategies and respective language means used to translate subject type information to the target language. The paper concludes that the subject type appears to be relevant when making a translation decision.

Keywords: quasi-subject construction, subject type, lacunarity, translation strategy, translation.

For citation: Shestopalova A.M. (2024). English translation strategies for Russian quasi-subject constructions. In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil'ev; publishing editor

I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 90–105 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.06>

© Шестопалова А.М., 2023

Введение. В настоящее время одним из актуальных направлений в рамках лингвистических исследований выступает поиск переводческих решений для синтаксических конструкций. Так, например, в фокусе оказываются метонимические стратегии перевода, способы передачи различных типов предикативности (модели с именными группами) [Лингвистические теории... 2015; Сулейманова 2017], а также инициальных обстоятельств (места, причины и др.) [Терещенко, Гулянец 2020]. Внимание уделяется особенностям перевода терминов образовательной сферы, к которым относят обобщенно-личные и безличные конструкции типа *the findings of the research reveal, существует мнение, что* и др. [Гулянец, Иванова 2020]; рассматриваются английские «периферийные структуры» (например, абсолютный причастный оборот), которые не имеют прямых соответствий в русском языке, что влечет за собой поиск особых переводческих решений [Сулейманова, Карданова-Бирюкова 2021]. К синтаксическим моделям, которые не имеют прямых коррелятов в одном из сопоставляемых языков, потенциально можно отнести русские квазисубъектные модели типа *Смешки немедленно прекращаются*, поскольку данные конструкции не всегда представляется возможным перевести на английский язык с помощью их квазисубъектного аналога типа *The giggling stops instantly*. Предположительно, невозможность передачи данной модели с помощью ее прямого коррелята в языке перевода обуславливается лакунарностью данных моделей как в русском, так и в английском языке.

Проблема лакунарности в переводе представляется актуальной и обуславливается наличием общего интереса к процессам концептуализации и категоризации действительности (так, понятие «лакуна» применяется в исследованиях, посвященных изучению особенностей различных межъязыковых концептов [Дзида 2010]). В рамках данной проблематики рассматриваются способы выделения и описания как межъязыковых [Акай 2019; Щитова, Щитов 2020], так и синтаксических лакун [Долгирева, Егорова, Коновалова 2023]. Как представляется, на данный момент пока не было предложено однозначного определения понятия «лакуна» [Захарова, Маркин 2021; Щитова, Щитов 2020], однако при изучении соответствующего языкового явления многие исследователи вслед за И.А. Стерниним принимают за лакуну такие ситуации, когда некоторая языковая единица присутствует в одном из сопоставляемых языков, но при этом отсутствует в другом. Иными словами, лакуна выступает как отсутствие прямого межъязыкового коррелята для определенной языковой единицы

в одном языке относительно другого [Стернин 2007: 45]. Исследуемые квазисубъектные модели потенциально можно отнести к лакунам, поскольку в русском и английском языках можно отметить такие синтаксические конструкции, с помощью которых передается информация, заключенная в квазисубъектном высказывании. В частности, с помощью данных моделей вносится информация о некоем неодушевленном объекте, внутренние свойства и качества которого обуславливают его способность выполнять или подвергаться некоторым действиям. Так, например, при переводе возможно прямое соответствие между русской и английской моделью: *Размеры постоянно уменьшаются* – *The size steadily decreases*.

Отнести рассматриваемые модели к частичным лакунам потенциально позволяет грамматическое оформление конструкций. Так, русская квазисубъектная модель состоит из существительного, возвратного глагола с формантом *-ся* и наречия (*Температура резко увеличивается, Банка плотно закручивается*), тогда как в английской модели предикативный компонент представлен глаголом в форме активного залога (*The temperature rises sharply, The jar seals tightly*). Употребление глаголов разного типа в составе квазисубъектной модели позволяет рассматривать описываемое событие с точки зрения степени проявляемой субъектом активности или пассивности. Как представляется, в русских квазисубъектных моделях с помощью возвратного глагола имплицитно задается наличие постороннего деятеля, усилия которого направлены на реализацию соответствующего события. В английских моделях, напротив, употребление глагола в форме активного залога позволяет представить субъект высказывания как реального производителя действия. Иными словами, в английском языке в сфере субъекта наблюдается более высокая степень активности, чем в сфере субъекта в русском языке. Отмеченные структурные несоответствия потенциально влияют на возможность перевода квазисубъектных моделей с помощью их прямых коррелятов в том или ином языке. Например, прямые соответствия имеют место при переводе следующих высказываний: *Комната быстро нагревается* – *The room heats up quickly*; *Болезнь быстро распространяется* – *The illness spreads quickly*; *The boat rocks gently* – *Лодка тихо покачивается*; *Cells reproduce quickly* – *Клетки быстро размножаются*. Отметим, что исходную квазисубъектную модель не всегда представляется возможным передать на другой язык с помощью ее аналога, поэтому в данном случае необходимо обращаться к другим стратегиям перевода. Ср. *The room smells horribly* – *В комнате плохо пахло*; *The stomach rumbles noisily* – *В животе шумно заурчало* (исходная квазисубъектная модель перестраивается в безличное предложение); *Рыдания едва слышатся* – *The sobs are barely audible* (предикат действия в русской модели передается на английский язык с помощью предиката состояния); *Случай быстро забывается* – *The case is quickly forgotten* (исходное высказывание переводится

с помощью страдательной (пассивной) конструкции). Таким образом, наличие рассмотренных несоответствий позволяет говорить о частичной лакунарности квазисубъектных моделей.

Методология исследования. В рамках настоящего исследования широко применяются инструменты различных сетевых исследовательских технологий [Петрова, Иванова, Никитина 2022; Suleimanova, Guseinova, Vodyanitskaya 2020], в частности корпусов текстов, которые позволили собрать соответствующий языковой материал, отвечающий заданным критериям. В качестве эмпирического материала были отобраны примеры употребления русских квазисубъектных моделей, сопровождающиеся вариантами их перевода на английский язык. Источником языкового материала выступила база данных параллельного корпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ], на платформе которого при помощи функции лексико-грамматического поиска возможно задать точные грамматические, семантические и синтаксические характеристики для каждого структурного элемента исследуемой синтаксической модели (Рис. 1). Обращение к данному инструменту позволяет произвести направленный поиск исследуемых моделей, что оптимизирует процесс отбора языкового материала.

Слово 1	Слово 2	Слово 3
Лемма <input type="text"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/>	Лемма <input type="text"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/>	Лемма <input type="text" value="*ся"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/>
Словоформа <input type="text"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/>	Словоформа <input type="text"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/>	Словоформа <input type="text"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/>
Грамм. признаки <input type="button" value="выбрать"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/> <input type="text" value="(S) & (nom) & (inan)"/>	Грамм. признаки <input type="button" value="выбрать"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/> <input type="text" value="(ADV)"/>	Грамм. признаки <input type="button" value="выбрать"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/> <input type="text" value="(V) & (indic) & (praes) & (act med)"/>
Семант. признаки (рус.) <input type="button" value="выбрать"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/> <input type="text"/>	Семант. признаки (рус.) <input type="button" value="выбрать"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/> <input type="text" value="gr:ADV & (der:a der:a & dt:size de)"/>	Семант. признаки (рус.) <input type="button" value="выбрать"/> <input type="button" value="⊗"/> <input type="button" value="⊕"/> <input type="text"/>

Рис. 1. Заполненная форма лексико-грамматического поиска

Форма поиска оформляется следующим образом. Для компонента «существительное», которому соответствует столбец «Слово 1», в ячейке «Грамм. признаки» отмечаются параметры «(S) & (nom) & (inan)», которые определяют часть речи (имя существительное), падеж (именительный), а также одушевленность/неодушевленность (неодушевленное). Неодушевленное существительное отмечается в силу того, что в рамках квазисубъектной модели можно наблюдать метафорический перенос в сфере субъекта, в результате которого неодушевленная сущность наделяется

признаком одушевленности, что позволяет рассматривать материальный объект в терминах мотиваций и характеристик человека [Лакофф, Джонсон 2004: 59]. Например, в высказываниях *Слухи быстро разносятся, Техника быстро совершенствуется* возможность выполнения соответствующих действий неодушевленными предметами (*слухи, техника*) можно рассматривать через призму тех действий, которым их обычно подвергает человек (вовлеченность человека в коммуникативную деятельность, в результате которой слухи передаются от одного собеседника к другому; приложение умственных и физических усилий, направленных на улучшение качества оборудования и др.). Иными словами, субъект в квазисубъектной модели представляется как сущность, которая благодаря внутренним свойствам и качествам способна самостоятельно реализовывать определенные действия.

Столбец «Слово 2» отводится под наречие, для которого отмечались следующие возможные семантические признаки. По словообразованию выбирались отадъективные наречия, описывающие свойства и качества субъекта высказывания (*легко, хорошо, плохо, медленно* и др.). Дополнительно было принято решение отобрать наречия по таксономии и отметить наречия скорости (*резко, постепенно*), расстояния (*глубоко*), количества (*чуть-чуть, немного*) и времени (*мимолетно, непрерывно*), что позволило обработать больший объем языкового материала. (Поиск в данном случае производился по каждому типу наречия отдельно, поскольку если отметить все параметры одновременно, система не распознаёт запрос и не выдает каких-либо результатов в силу того, что поисковая форма нагружена различными операторами.)

В столбце «Слово 3» формы поиска задаются необходимые параметры для предикативного компонента синтаксической модели. В данном случае среди грамматических признаков релевантными представляются время (настоящее время), наклонение (изъявительное) и залог (действительный или медиальный). С помощью обозначения «*ся» отмечаются все лексемы, оканчивающиеся на данный морфологический элемент. Таким образом, с учетом всех указанных параметров в качестве результатов поиска исследователь получает корпус объемом 1652 примера.

Однако не все примеры заданного корпуса могут рассматриваться как квазисубъектные модели. Так, в высказывании *В данный момент обе эти страны, очевидно, являются противниками* сочетание выделенных элементов не формирует квазисубъектную модель, поскольку наречие *очевидно* в данном случае выполняет функцию вводного слова. Следовательно, полученный в результате поискового запроса корпус примеров необходимо далее обрабатывать вручную, чтобы исключить такие высказывания, которые не отвечают заданным критериям и по своей структуре не соответствуют типичной форме квазисубъектной модели (существо-

тельное + наречие + глагол с формантом *-ся*). Таким образом, в итоговую эмпирическую выборку вошло 247 высказываний, сопровождающихся вариантами их перевода на английский язык.

В настоящем исследовании для дальнейшего анализа способов перевода русских квазисубъектных моделей при обработке языкового материала мы опираемся на следующую классификацию типов субъекта [Семантические типы предикатов 1982], которые могут реализовываться в рамках рассматриваемой синтаксической конструкции. Опора на данную классификацию позволяет распределить отобранные высказывания по группам в зависимости от типа субъекта, среди которых выделяются:

– **неопределяющий агентивный субъект** (далее – НА субъект) представляет собой такой тип субъекта, который прилагает усилия для продуцирования некоего действия, но его результат определяется вовлеченностью внешней силы в описываемое событие. Ср. *Болезнь мгновенно разносится*, где субъект *болезнь* «прилагает» усилия для реализации действия *разносится*, что обеспечивается внутренними свойствами субъекта (особенности биохимии, длительность инкубационного периода и пр.), однако результат *быстро разносится* будет зависеть от внешних параметров ситуации (соблюдение карантинных мер, использование медицинских средств индивидуальной защиты и пр.). Ср. *Разрез сразу закрывается, Погодные условия непрерывно меняются, Обычаи часто меняются, Перспективы быстро улучшаются*. Среди языковых средств, которые указывают на факт реализации данного типа субъекта в высказывании, можно выделить глаголы движения на *-ся* (*поднимается, несется, движется, приближается*), при которых субъект выступает каузатором движения, и дальнейший контроль за действием передается некоему внешнему деятелю. Кроме того, НА субъект можно отметить в высказываниях с глаголами, денотат которых предполагает обязательное наличие внешних условий для реализации действия, например глаголы *улучшаться, испаряться, развиваться* (улучшения, процессы испарения и развития возможны только в случае соблюдения неких внешних условий) [Шестопалова 2023: 120]. Из 247 примеров в 134 высказываниях реализуется НА субъект;

– **неопределяющий неагентивный субъект** (далее – НН субъект) указывает на субъект-пациент, при котором действие выполняется внешней силой. Ср. *Острова часто посещаются*, где осуществление действия *посещаются* возможно только в случае, если некий внешний деятель (группа людей, туристы) будет прилагать соответствующие усилия для его реализации, тогда как субъект высказывания *острова* остается пассивным участником ситуации. Ср. *Уравнение постоянно применяется в медицинской диагностике, Страх регулярно используется в объявлениях общественных служб, Термины регулярно используются*. Наличие НН субъекта в высказывании представляется возможным определить с помощью семантического теста

на сочетаемость исходного предложения с дополнением в творительном падеже, а также преобразования по типу «X возможно легко / быстро / др. Р» (где X обозначает субъект, Р – совершаемое действие). С точки зрения семантики обе трансформации указывают на то, что для реализации описываемого события необходимо присутствие некоей внешней силы или деятеля, усилиями которого будет осуществляться соответствующее действие [Шестопалова 2023: 118–119]. Так, с помощью дополнения в творительном падеже возможно ввести реального производителя действия (*Острова часто посещаются туристами*), тогда как в указанном семантическом преобразовании предикат *возможно* имплицитно отмечает необходимость присутствия внешней силы для последующей реализации действия (*Термины возможно регулярно использовать*). Среди отобранных высказываний можно выделить 65 предложений с НН субъектом;

– **определяющий неагентивный субъект** (далее – ОН субъект) представляет собой такой субъект, который полагается только на внутренний источник энергии для выполнения соответствующего действия. Ср. *Мое сердце неистово бьется*, где реализация события *бьется* обуславливается заложенными в субъекте свойствами (сердце обладает физиологической способностью продуцировать энергию, необходимую для его биения). Ср. *Мины уже рвутся в самом лагере, Кровь быстро обращается в моих жилах, Его курчавые волосы забавно топорщатся, Волны тиетно бьются о скалы*. ОН субъект в высказывании позволяет определить семантический тест типа «X выполняет Р сам по себе», где элемент *сам по себе* отмечает способность субъекта самостоятельно, без посторонней помощи выполнять действия (*Кровь быстро обращается сама по себе, Волосы забавно топорщатся сами по себе*) [Шестопалова 2023: 119–120]. В эмпирическую базу вошло 48 высказываний с ОН субъектом.

С учетом рассмотренных семантических характеристик и маркеров представляется возможным распределить эмпирический материал по группам в зависимости от типа субъекта, который реализуется в исходной квазисубъектной модели. Данный подход к анализу языкового материала позволит определить наиболее релевантные способы перевода исследуемых синтаксических конструкций на английский язык. Рассмотрим далее возможные стратегии перевода.

Результаты. Обратимся к высказываниям с **НН субъектом**, большинство из которых переводятся на английский язык при помощи страдательной (пассивной) конструкции (44 высказывания из 65), указывающей на обязательное наличие внешней силы или лица для выполнения описываемого действия. Ср. в следующих примерах, где субъекты *шум, часть новых генов, техника* выступают пациентами и события *пресекается, устраняется, задействуется* реализуются за счет прилагаемых внешними деятелями усилий: *Шум оживления сразу пресекается* – *The sound of animation*

is immediately cut short; Большая часть новых генов быстро устраняется — Most new genes are quickly penalized; Техника часто задействуется на рабочих местах — Technology is often deployed in the workplace.

Реже используются следующие стратегии перевода. Во-первых, модели с НН субъектом представляется возможным передать на английский язык с помощью соответствующего английского аналога (9 высказываний). В данном случае внимание уделяется свойствам и качествам субъекта, обеспечивающим возможность данного субъекта подвергаться описываемым действиям: *Манипуляции постоянно используются во всех формах продаж и маркетинга — Manipulations run rampant in all forms of sales and marketing; Вложения в картины или скульптуры редко окупаются — Art investment very rarely works; В контексте современного искусства пошлость прекрасно продается — In the context of contemporary art, banality sells well.* Во-вторых, следует отметить такие случаи, когда при переводе происходит восстановление реального производителя действия (7 высказываний): *Кто-то постучал к нам в дверь и сказал, что полет временно откладывается — Somebody came up and knocked on the spaceship door and said, “We are temporarily cancelling this mission”; Но когда они слышат мое заявление, их языки мгновенно развязываются — But when I made a statement, they started to talk; Иногда слышатся скрип весел в уключинах или неясный говор — Sometimes you could hear a sweep screaming; or jumbled up voices.* Наконец, квазисубъектные модели с НН субъектом можно переводить на английский язык с использованием субъектного инфинитивного оборота с составным именным сказуемым (3 высказывания). С помощью данной синтаксической конструкции вносится информация о том, что в описываемой ситуации присутствует дополнительный субъект, который выражает свое к ней отношение или дает оценку [Грамматические аспекты перевода 2012: 188]: *Звонок легко отслеживается — A phone call was easy to trace; Подобное соединение редко встречается — The combination is not very easy to come by; Грош трудно достается — Nickels and dimes were hard to come by.*

Обзор представленных вариантов перевода показывает, что при передаче моделей с НН субъектом на английский язык релевантной выступает информация о субъекте-пациенте, что определяет набор языковых средств, которые используются в языке перевода (преобразование в пассивную конструкцию, восстановление реального производителя действия и др.). Аналогичный подход можно наблюдать при переводе моделей с ОН субъектом, где будут использоваться такие языковые средства, которые позволяют передать информацию о том, что субъект способен самостоятельно выполнять действия, пользуясь только внутренней энергией; в фокус при этом будут помещаться свойства и качества субъекта. Так, с учетом данных условий наиболее оптимальной стратегией выступает перевод квазисубъектной модели при помощи ее прямого английского

коррелята (36 высказываний из 48): *Пивные и спиртные испарения постоянно поднимаются к потолку* — *The steams of beer and spirits perpetually ascend to the ceiling*; *Кровь быстрее обращается в моих жилах* — *The blood courses more quickly through my veins*; *Пилуля быстро растворяется* — *The pill readily dissolves*; *Тело прозрачно светится* — *The body glows transparently*.

Среди стратегий перевода квазисубъектных моделей с ОН субъектом также можно отметить использование абсолютного причастного оборота с причастием I (7 высказываний), с помощью которого заключенная в модели информация оформляется как сопутствующая главному предложению дополнительная тема. При этом существительное в общем падеже выступает в качестве производителя действия, которое выражается причастием I [Грамматические аспекты перевода 2012: 191]. Ср. *Судья поднимается на свою трибуну, — его курчавые волосы забавно топорщатся* — *Here now was the judge, mounting the steps of his rostrum, his frizzled hair standing out in a strange way*; *Он повернулся к окну и стал смотреть на темные силуэты деревьев, смутно вырисовывавшиеся в небе, наблюдая, как сумерки постепенно сгущаются, переходя в ночную темноту* — *He looked out of the window, and regarded the dim outline of the trees upon the sky, and the twilight deepening to darkness*.

В качестве возможного варианта перевода квазисубъектных моделей можно отметить случаи метонимического переноса в сфере предиката, а именно русский предикат действия трансформируется в английский предикат состояния (5 высказываний), между которыми устанавливается неслучайная связь, обусловленная наличием причинно-следственных отношений между сопоставляемыми предикатами [Сулейманова, Нерсесова 2023: 81]. Ср. *Самые худшие ожидания обычно оправдываются* — *The worst is usually true*; *Вот и перебрались в одну комнату: дровишки нынче кусаются* — *That's why we've moved into one room: firewood is expensive these days*. В данном случае употребление предиката состояния в английском языке позволяет поместить в фокус не способность субъекта самостоятельно выполнять некие действия, а его свойства и качества.

По результатам анализа вариантов перевода квазисубъектных моделей с **НА субъектом** можно отметить следующее. Среди стратегий перевода данных высказываний используются все перечисленные выше способы, а именно:

– передача квазисубъектной модели с помощью прямого английского коррелята (92 высказывания из 134): *Поскольку черная дыра испускает частицы, ее масса и размеры постоянно уменьшаются* — *As a black hole emits particles, its mass and size steadily decrease*; *Карета быстро катится* — *The coach rolls swiftly*; *DI-фактор стремительно распространяется* — *The DI factor rapidly spreads*; *Нынешние движения стремительно разрастаются* — *Today's movements scale up very quickly*;

– перевод модели с помощью абсолютного причастного оборота с причастием I (12 высказываний): *Эту сцену крутили снова и снова, причем в замедленном темпе: вода медленно льется на лысый череп ученого* – *On-screen, the event was shown repeatedly in slow motion, the water sloshing over a skinny, bald guy*; «Ну конечно, нет», – *быстро поправился он, чувствуя, что его надежда быстро улечивается* – *“Of course not,” he returned hastily, his hope falling again*;

– восстановление реального производителя действия (11 высказываний): *Но знаете, я и правда лучше себя чувствую. Голова немного кружится* – *But you know, I do feel better. I'm kind of dizzy though*; *Мне нужен спорт, а то у меня в последнее время часто случаются запоры* – *I need exercise. Sometimes I get constipated*; *Мое состояние быстро ухудшается* – *I'm getting worse fairly rapidly*; *Ему казалось, что его тело медленно испаряется* – *He thought he was turning to steam painlessly*;

– перевод с использованием пассивной конструкции (10 высказываний): *В обе стороны непрерывно движутся грузы техники* – *The equipment is constantly being shunted back and forth*; *Его лицо странно меняется* – *His face is tilted oddly*; *Две эти категории риска часто переплетаются* – *These two risk categories are often intertwined*;

– метонимический перенос по типу предикат действия – предикат состояния (6 высказываний): *Температурная кривая и другие погодные условия непрерывно меняются* – *The temperature curve and other weather conditions are in constant flux*; *Земные недра тяжело содрогаются* – *The mountains are troubled*; *Ситуация значительно осложняется* – *The situation might be rather serious*.

Наблюдаемое комбинирование стратегий перевода квазисубъектных моделей потенциально можно объяснить особенностью семантики НА субъекта: в данном случае субъект высказывания выступает одновременно активным (отмечается приложение усилий со стороны субъекта для осуществления действия) и пассивным участником ситуации (результат зависит от действий внешнего лица). Вариант перевода тем самым будет зависеть от контекста: если значимой оказывается информация о том, что для реализации события необходимо наличие внешних сил или деятеля, то в языке перевода исходная квазисубъектная модель передается либо с помощью страдательной (пассивной) конструкции, либо имеет место восстановление реального производителя действия. Напротив, если при переводе релевантными выступают свойства и качества субъекта, а также его способность самостоятельно продуцировать действия, то преобразование рассматриваемой синтаксической конструкции производится путем трансформации в английскую квазисубъектную модель, абсолютный причастный оборот или осуществляется метонимический перенос по типу предикат действия – предикат состояния.

Заключение. Как представляется, в структурном оформлении русских и английских квазисубъектных моделей наблюдаются определенные несоответствия, в частности, в сфере предикативного компонента, который вербализуется различными средствами (возвратный глагол с формантом *-ся* в русском языке, глагол в форме активного залога в английском языке). Данное расхождение составляет переводческую трудность, поскольку в определенных случаях русскую модель невозможно передать на английский язык при помощи соответствующего аналога. В рамках данной работы квазисубъектные модели потенциально можно отнести к частичным лакунам, и основная задача заключается в поиске таких английских синтаксических коррелятов, с помощью которых будет возможным передать заключенную в исходной модели информацию о свойствах и качествах субъекта, обеспечивающих его способность реализовывать какие-либо действия.

Анализ стратегий перевода русских квазисубъектных моделей производился с опорой на наблюдаемый в исходном высказывании тип субъекта, что позволило выделить релевантные способы перевода. Например, среди наиболее частотных способов перевода высказываний, в которых реализуется НН субъект, отмечается преобразование в пассивную конструкцию; квазисубъектные модели с ОН субъектом чаще всего переводятся с помощью английского квазисубъектного аналога; стратегия перевода конструкций с НА субъектом совмещает в себе оба переводческих подхода, что объясняется семантическими свойствами данного типа субъекта (является одновременно активным и пассивным участником ситуации). При переводе высказываний с НА субъектом необходима опора на контекст, а именно следует определить, какая информация имеет наибольшее значение: субъект является пациентом и для реализации действия необходимо присутствие внешней силы, либо в фокус необходимо поместить свойства и качества субъекта высказывания, обеспечивающие возможность реализации того или иного события.

В дальнейшем представляется возможным проанализировать способы перевода английских квазисубъектных моделей на русский язык, что позволит провести сопоставительный анализ рассмотренных переводческих решений и предложить общие принципы перевода данных синтаксических моделей.

Литература

Акай О.М. Межъязыковая категориальная (частичная) лакунарность // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2019. № 2. С. 37–42.

Грамматические аспекты перевода / О.А. Сулейманова, Н.Н. Беклешева, К.С. Карданова [и др.]. М.: Издат. центр «Академия», 2012. 240 с.

Гуляниц С.Б., Иванова А.М. Межкультурная коммуникация в академической среде: к проблеме перевода терминов образовательной сферы // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. С. 71–81.

Дзида Н.Н. Проблема лакунарности в переводе // Вестник Тюменского государственного университета. Сер.: Гуманитарные исследования. Humanitates. 2010. № 1. С. 162–167.

Долгирева А.Э., Егорова И.А., Коновалова Н.В. Синтаксические внутриязыковые лакуны (на материале повести А.П. Чехова «Палата № 6») // Успехи гуманитарных наук. 2023. № 3. С. 71–75.

Захарова Ю.Г., Маркин К.Н. Вопрос о лексической лакунарности в современной лингвистике // Литература и журналистика стран Азиатско-Тихоокеанского региона в межкультурной коммуникации XX–XXI веков. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2021. С. 178–186.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 256 с.

Лингвистические теории в интерпретации переводческих стратегий. Комплексный анализ переводческого процесса / О.А. Сулейманова, К.С. Карданова-Бирюкова, Н.В. Лягушкина [и др.]. М.: Ленанд, 2015. 272 с.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> [НКРЯ] (дата обращения: 29.10.2023).

Петрова И.М., Иванова А.М., Никитина В.В. Современные цифровые технологии в лингвистических исследованиях. М.: Языки народов мира, 2022. 259 с.

Семантические типы предикатов / отв. ред. О.Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. 370 с.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 288 с.

Сулейманова О.А. Мотивы переводческого решения при передаче предикативности: русский и английский языки // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе: коллект. монография. М.: Канцлер, 2017. С. 265–272.

Сулейманова О.А., Карданова-Бирюкова К.С. Контрастивный анализ русских и английских «периферийных» синтаксических структур в переводческой перспективе // Русистика и компаративистика. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 297–315.

Сулейманова О.А., Нерсесова Э.В. Принцип неслучайной связи в переводческих практиках // История, теория и дидактика переводческой деятельности: коллективная монография. М.: ФЛИНТА, 2023. С. 73–89.

Терещенко А.И., Гуляниц А.Б. Перевод английского инициального обстоятельства на русский язык (на материале сайтов INOSMI.RU и INONEWS.

RU) // Язык и профессиональная коммуникация в цифровом обществе: сб. матер. нац. науч.-практич. конф. М.: Белый ветер, 2020. С. 133–142.

Шестопалова А.М. Определение типа субъекта в квазисубъектных моделях типа *книга легко читается* // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 116–124.

Щитова О.Г., Щитов А.Г. Межъязыковая фразеологическая эквивалентность и лакунарность: этнокультурный аспект (на материале русского и китайского языков) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2020. № 65. С. 158–179.

Suleimanova O.A., Guseinova I.A., Vodyanitskaya A.A. The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science // Society. Integration. Education. 2020. Vol. 4. Pp. 657–669.

References

Literatura

Akaj O.M. (2019). *Mezh'yazykovaya kategorial'naya (chastichnaya) lakunarnost'* [Interlingual categorial (partial) lacunarity]. In: *Bulletin of Russian New University. Series: Man in the Modern World*, 2, 37–42. (In Russ.)

Suleimanova O.A., Beklemesheva N.N., Kardanova K.S. et al. (2012). *Grammaticheskie aspekty perevoda* [Grammatical aspects of translation]. Moscow: Izdatel'skij centr "Akademiya". 240 p. (In Russ.)

Guliyants S.B., Ivanova A.M. (2020). *Mezhkul'turnaya kommunikaciya v akademicheskoy srede: k probleme perevoda terminov obrazovatel'noj sfery* [Academic intercultural communication: translating terminology in the sphere of education]. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 4, 71–81. (In Russ.).

Dzida N.N. (2010). *Problema lakunarnosti v perevode* [Lacuna issues in translation]. In: *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 1, 162–167. (In Russ.)

Dolgireva A.E., Egorova I.A., Konovalova N.V. (2023). *Sintaksicheskie vnutriyazykovye lakuny (na materiale povesti A.P. Chekhova "Palata №6")* [Syntactic intralinguistic gaps (based on the story of A.P. Chekhov "Chamber No. 6")]. In: *Modern Humanities Success*, 3, 71–75. (In Russ.)

Zakharova Yu.G., Markin K.N. (2021). *Vopros o leksicheskoy lakunarnosti v sovremennoj lingvistike* [The question of lexical lacunarity in modern linguistics]. In: *Literatura i zhurnalistika stran Aziatsko-Tihookeanskogo regiona v mezhkul'turnoj kommunikacii XX-XXI vv.* [Literature and journalism of Asian-Pacific countries in 20th–21st century multicultural communication]. Khabarovsk: Tihookeanskij gosudarstvennyj universitet, 178–186. (In Russ.)

Lakoff G., Johnson M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: URSS. 256 p. (In Russ.)

Suleimanova O.A., Kardanova-Biryukova K.S., Lyagushkina N.V. et al. (2015). *Lingvisticheskie teorii v interpretacii perevodcheskih strategij. Kompleksnyj analiz perevodcheskogo processa* [Linguistic theories through translation strategies. Comprehensive analysis of translation process]. Moscow: Lenand. 272 p. (In Russ.)

Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed: 29.10.2023).

Petrova I.M., Ivanova A.M., Nikitina V.V. (2022). *Sovremennye cifrovyje tekhnologii v lingvisticheskix issledovaniyax* [Morder digital tools in linguistic research]. Moscow: Yazyki Narodov Mira. 259 p. (In Russ.)

Seliverstova O.N. (ed.) (1982) *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic predicate types]. Moscow: Nauka. 370 p. (In Russ.)

Sternin I.A. (2007). *Kontrastivnaya lingvistika. Problemy teorii i metodiki issledovaniya* [Contrastive linguistics. Issues of theory and research methods]. Moscow: AST: Vostok – Zapad. 288 p. (In Russ.)

Suleimanova O.A. (2017). *Motivy perevodcheskogo resheniya pri peredache predikativnosti: russkij i anglijskij yazyki* [Translation decision motive when dealing with predictivity in Russian and English]. In: *Grammaticheskie kategorii germanskix yazykov v antropocentricheskox perspektive: kollektivnaya monografiya* [Germanic grammatic categories in anthropocentric perspective: a collective monograph]. Moscow: Kancler, 265–272. (In Russ.)

Suleimanova O.A., Kardanova-Biryukova K.S. (2021). *Kontrastivnyj analiz russkix i anglijskix "periferijnyh" sintaksicheskix struktur v perevodcheskoj perspektive* [Contrastive analysis of English and Russian “peripheral” syntactic constructions in translation perspective]. In: *Russian Philology and Comparative Studies*. Moscow: Knigodel, XV, 297–315. (In Russ.)

Suleimanova O.A., Nersesova E.V. (2023). *Princip nesluchajnoj svyazi v perevodcheskix praktikax* [The principle of non-random relation in translation practices]. In: *Istoriya, teoriya i didaktika perevodcheskoj deyatel'nosti: kollektivnaya monografiya* [History, theory and didactics of translation practice: a collective monograph]. Moscow: FLINTA, 73–89. (In Russ.)

Tereshchenko A.I., Giliyants A.B. (2020). *Perevod anglijskogo inicial'nogo obstoyatel'stva na russkij yazyk (na materiale sajtov INOSMI.RU i INONEWS.RU)* [Initial adverbial modifiers translation from English into Russian (based on INOSMI.RU and INONEWS.RU materials)]. In: *Yazyk i professional'naya kommunikaciya v cifrovom obshchestve: sbornik materialov nacional'noj nauchno-prakticheskox konferencii* [Language and professional communication in digital society: collection of papers from research and practice conference]. Moscow: Bely veter, 133–142. (In Russ.)

Shestopalova A.M. (2023). *Opreделение tipa sub"ekta v kvazisub"ektnyx modelyax tipa kniga legko chitaetsja* [Defining the subject in quasi-subject

constructions such as *kniga legko chitaetsja*]. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, 116–124. (In Russ.).

Shchitova O.G., Shchitov A.G. (2020) *Mezh'yazykovaya frazeologicheskaya ekvivalentnost' i lakunarnost': etnokul'turnyj aspekt* (na materiale russkogo i kitajskogo yazykov) [Interlingual phraseological equivalence and gaps: an ethnocultural aspect (based on the Russian and Chinese languages)]. In: *Tomsk State University Journal of Philology*, 65, 158–179. (In Russ.).

Suleimanova O.A., Guseinova I.A., Vodyanitskaya A.A. (2020). *The Learning and Educational Potential of Digital Tools in Humanities and Social Science*. In: *Society. Integration. Education*, 4, 657–669.

Сведения об авторе

Шестопалова Анна Михайловна – Московский городской педагогический университет; Институт иностранных языков; кафедра языкознания и переводоведения; ассистент; научные интересы: когнитивная лингвистика, семантика, цифровые методики в лингвистических исследованиях.

Information about the author

Anna M. Shestopalova – Moscow City University; Institute of Foreign Languages; Department of Linguistics and Translation Studies; assistant; scientific interests: cognitive linguistics, semantics, digital tools in linguistic research.